

Итак, комментатор эстонского телевидения Урмас Отт. Автор и ведущий постоянной еженедельной эстонской воскресной полуторачасовой программы «Утреннее телевидение», постоянных (для эстонского ТВ) «Телевизионных знакомств», разовых передач из-за рубежа. Автор двух написанных по «Телевизионным знакомствам» книг, одна из которых вышла в издательстве «Московский рабочий» («Вопрос 3 ответ-интервью»), другая — «Урмас Отт. Телевизионное знакомство» планируется к выходу к концу этого года в издательстве «Искусство».

— Не кажется ли вам, что сейчас жанр интервью становится в журналистике лидирующим?

— Мне трудно ответить на ваш вопрос, потому что я всю жизнь работал только в этом классическом жанре... Можно, наверное, сам по себе жанр назвать модным или немодным, в таком вот ключе, но опять же это будет чисто поверхностно... Все не так просто, как кажется. Интервью — очень хрупкая, тонкая и сложная вещь, укладывающаяся в простую формулу «Вопрос 3 ответ-интервью». Я не случайно дал такое название своей книге. В ней я попытался через запись бесед как бы проанализировать сложность этого жанра. Лично я интервью обожаю, предпочитаю работать именно так, и меня совершенно не волнует, модно оно или немодно, популярно — непопулярно, лидирует или нет.

— Но между тем почему-то считается, что интервью — самое легкое, что может быть в этой профессии, и о состоятельности журналиста можно судить только в том случае, если он способен выдать нечто мощное авторское, литературный опус, например. Лично вам часто приходилось слышать такое от своих же коллег и насколько эта точка зрения, по-вашему, профессиональна?

— Да, бытует такое мнение, что интервью сделать может каждый дурак,

Несмотря на популярность, модность и «крутость» «Телевизионных знакомств» и их ведущего, отношение к Урмасу Отту колеблется в пределах снисходительно-умозрительного. Мне бы хотелось, чтобы это интервью дало возможность взглянуть на Отта несколькими иными глазами. Не такими, скажем, оценочными.

им интересом и зрительским. Выбор собеседника зависит только от этого. — Теперь давайте поговорим о том, чем вам есть гордиться, например: сколько у вас «зарезанных» передач, не вышедших в эфир? — Таких передач нет и не может быть, потому что все, что я сделал, было показано по эстонскому телевидению, для которого этот цикл передач и предназначается прежде всего. Кроме того, для меня не существует и такой точки зрения: вот я сделал передачу, она не получилась — ничего, получится в другой раз. Для меня такого быть не может. Все, что я делаю, должно быть показано в эфире.

Другой, конечно, вопрос — эфир на ЦТ. Там действительно есть часть работ, которые не были показаны в свое время, например интервью с Аркадием Райкиным, Михаилом Шатовым, Виталием Коротичем. В Эстонии они все вышли. Каждая передача имеет свою судьбу, порой трагическую, как, например, с Коротичем. Вокруг нее было много шума, разговоров, сплетен и т. д., и я не сомневаюсь, что в свое время она вызвала бы повышенный зрительский резонанс, если бы была показана на ЦТ, но этого не случилось. Сейчас, например, я не уверен, что будет показана одна из последних моих бесед с Анатолием Собчаком, хотя часть зрителей видела ее по ленинградской программе... Передачу сделать очень легко, совсем другое дело — попасть на экран. Самое обидное то, что в эфире твоих передач не заинтересован никто, кроме тебя самого, твоего собеседника и зрителей. Больше — абсолютно никто. Поэтому трудно ходить по останкинским коридорам и говорить всем, какие ты делаешь «гениальные» передачи, которых никто не видел.

— Как вы считаете, цензура в журналистике — момент неизбежный и его можно рассматривать с позиций творческих, редакторских, например, где

уже вступают в силу личные качества, или же искусственно созданный, а потому политический?

— Я думаю, что цензура, наверное, вещь естественная, потому что она существует и в тех странах, которые никогда не были коммунистическими. Но мы, когда говорим о цензуре, подразумеваем в большинстве случаев момент политический. Я думаю, есть разные формы, скажем, проявления цензуры. Есть самоцензура человека, работающего на телевидении. Хотя я имею огромный опыт советской жизни, я до сих пор не могу себе представить, что именно каждый раз интересует этих бойцов невидимого фронта. Бывают совершенно необъяснимые вещи, когда мой собеседник, например, скажет что-нибудь такое крутое в эфире, отчего мне, не считающему себя трусом, становится не по себе, или я что-то там вякну антисоветское, — на это внимание не обращается. С другой стороны, мы ведем долгую и продолжительную борьбу с представителями органов цензуры из-за какой-то ерунды. Умом цензуру не понять.

— Вы лично к ней относитесь спокойно или же ставите какие-нибудь ультиматумы — в обморок падаете, подаете заявление об уходе или же другие методы «террористического» воздействия применяете?

— Наверное, достаточно спокойно. Лично у меня не было каких-то особых проблем с ней. Может быть, я слишком опытный человек и слишком долго работаю на телевидении. И даже сейчас, в перестроечное время, я слишком хорошо знаю эту страну, чего можно и чего в ней делать нельзя, чтобы правильно почувствовать «пульс перестройки». У меня были творческие потери с передачами, вышедшими в эфир по ЦТ. Вдруг, например, по приказу товарища П. Решетова из передачи с А. Хаммером вырезается 27 минут. Но, учитывая количество вышедших передач, я не

могу сказать, что мои потери были большими.

— Независимость Эстонии как-нибудь повлияла на ослабление цензуры на республиканском ТВ?

— Бить коммунистов можно. С этим нет никаких проблем. Гораздо опаснее в этом смысле кажутся демократы. Не дай Бог, если ты сказал какое-нибудь слово против них! Начинаются колоссальные неприятности. Вместе с тем у всех руководителей эстонского телевидения в той или иной мере — коммунистическое прошлое, и от коллегиальных связей и защиты своих соратников никуда не денешься, пусть они теперь и стали демократами. Мы с этими вопросами будем бороться до тех пор, пока не появится новое поколение... Я тоже не всегда правильно ощущаю, как же надо поддерживать борьбу за свободу независимой Эстонии.

— Что вы лично потеряли и что приобрели в себе, занимаясь журналистикой в условиях советской власти?

— Советская власть дала мне очень много. Во-первых, экстремальные условия жизни, благодаря которым я стал жестче, смелее, я действительно понял, что в этой жизни всего должен добиваться сам — не благодаря каким-то условиям, а именно вопреки им, то есть их отсутствию. Советская власть дала мне интересную жизнь, потому что никто не знает вокруг, что будет завтра. Как говорит мой друг Илья Сергеевич Глазунов: «Голод, холод и советская власть». Жизнь очень интересная. Голодная, но интересная.

Я потерял очень много иллюзий, потерял очень много человеческой доброты, потерял искренность.

Если пофилософствовать о советских людях, к которым себя причисляю, потому что, какое бы я крутое впечатление со стороны ни производил, внутри меня все равно живет маленький Брежнев, Сталин, Ленин (я, как и все, продукт воспитания этой страны), то, мне кажется, мы не знаем себе цену. Владимир Спиваков пересказал мне спор Станиславского с Михоэлсом на предмет, с чего начинается птичий полет. Михоэлс сказал, что с расправления крыльев. Станиславский: «Птица становится гордой». Вот это чрезвычайно важно. Мы упустили и потеряли ту гордость, с чего начинается человеческое достоинство, до сих пор считая себя виновниками Октябрьской революции, а не ее жертвами. Я думаю, это самое главное.

— Встреча с каким человеком стала лично для вас событием в жизни?

— Я не могу выделить одну-две передачи. Все эти встречи я помню досконально, всех их очень люблю, считаю частью своей жизни, карьеры... Если же выделить одну-единственную, то, наверное, все-таки первая встреча — «Телевизионное знакомство» с Людмилой Гурченко. Это как первая любовь, с нее все и начинается.

— Нет ли у вас сейчас такого чувства, которое возникает, когда чего-то вдруг добиваешься, так вдруг становится хорошо, все как бы получается и на этом и успокаиваешься? В Москве ходит слух, что вы в творческом кризисе.

— Наверное, все зависит, кто это говорит и почему. Наверное, да, если рассматривать это в том смысле, что я делаю передачу уже шестой сезон и совершенно понятно, что ни у коллег, ни у зрителей она уже не может вызывать такого интереса, какой был у нее во время первого сезона. Зрителю это уже все надоедает, он быстро к ней привыкает, изучает и раскусывает. Понятно, что я уже не такой интересный и модный, как раньше. Это абсолютно понятно. Но, с другой стороны, я не думаю, что сам для себя стал хуже работать, чем делал это прежде. Творческий кризис... Попробуйте меня правильно понять. Если об этом судить, находясь в Москве, вы будете абсолютно правы: для Москвы я в кризисе. Иначе и не может быть, потому что в отличие от других у меня нет постоянного выхода в эфир каждый месяц. Если бы моя передача «Телевизионное знакомство» стояла бы в сетке ЦТ каждый месяц в определенный день, если бы я появлялся в этой передаче на экране в течение года 11—12 раз, я думаю, вы бы о творческом кризисе не говорили. Вы просто не знаете моих передач, это не наша с вами вина, так сложились обстоятельства. Естественно, я появляюсь редко, вы меня видите в эфире в жюри КВН и думаете, что мне больше нечего делать... Лично сам я считаю, что так активно, как сейчас, я еще никогда не работал.

Беседовала Ирина Горюнова.

Урмас Отт:

потому что никому ничего не стоит просто так вот сидеть и задавать всякие там глупые вопросы. Тем не менее... Даже когда я смотрю на своих коллег, этим жанром владеющих и добившихся определенных результатов, сделать интервью удается далеко не каждому. Для себя лично я, как репортер, заметил в процессе работы одну потрясающую вещь: чем дольше работаешь и существуешь в этом жанре, тем со временем тебе становится все сложнее и сложнее. Сперва наступает момент, когда тебе кажется, что удалось им овладеть, потом вдруг понимаешь, что ты абсолютно не способен в нем работать... Мне кажется, что у нас начинается очень специфический разговор...

— Я этого от вас и добиваюсь.

— Это безумно трудно. Безумно. Если провести аналогию... Точно так же, как человека никогда нельзя выучить играть в теннис. Нельзя запланировать, предугадать какие-то ситуации — удары, перемещения, полет мяча. Эта непредсказуемость и заставляет тебя работать. По своему характеру я авантюрист, мне интересны ситуации, конечный результат которых я не знаю. Я очень осторожно отношусь к ярлыку «профессионал — непрофессионал». Как ни странно, я не говорю со своими коллегами о каких-то теоретических моментах нашей профессии. Мне кажется, что многие из них вообще к такому разговору не готовы, несмотря на то, что работают в ней (как, между прочим, наверное, и я).

Для меня самое главное — работать в жанре интервью на максимуме моих скромных возможностей, не ниже моей ватерлинии.

— Какой, скажем, политики придерживаетесь вы при выборе собеседника? Можно ли считать это эмоциональным совпадением вашего личного интереса к тем, что ищет в своем творчестве тот или иной художник?

— В каком-то смысле — да, хотя телевидение есть индустрия, в которой никто ничего не делает ради своего собственного удовольствия. Телевизионная передача — это товар, который надо дорого продать на рынке. Мне кажется, что на нем есть смысл работать только тогда, когда тебе или платят большие деньги, чего на советском телевидении никогда не будет, или тебе действительно интересно то, что ты делаешь. Такое бывает. Со мной это произошло. Все-таки я представляю на экране зрительские интересы, я должен обязательно знать зрительскую конъюнктуру и, уже исходя из этого, по-

«Я ОБОЖАЮ ИНТЕРВЬЮ»

